

- Почему у тебя такие холодные руки? - Янь Цзинь Цю коснулся руки Хуа Си Ван и нахмурился. Его большая рука крепко обхватила ладонь Хуа Си Ван. - Сейчас так холодно. Если у тебя есть, что сказать кому-то, лучше пригласи этого человека погостить у нас несколько дней.

- Разве не ты говорил, что это чудесно - любоваться снежными пейзажами? Так почему сейчас переменял мнение?

В другой руке Хуа Си Ван держала теплую грелку. Она позволила Янь Цзинь Цю одной рукой держать зонтик, а другой - свою руку.

- Пока это идет на пользу твоему здоровью, нет ничего плохого в том, чтобы переменить свое мнение.

Янь Цзинь Цю улыбнулся и отпустил руку Хуа Си Ван, но лишь для того, чтобы обнять ее за плечи. Потом они продолжили свой путь.

Хуа Чу Юй, которая молча шла позади них, подумала: «Ваше Высочество Сянь Ван, когда вы демонстрируете свою любовь, принимаете ли вы во внимание людей, которые стоят позади вас?»

Прежде чем они вернулись в главный зал, Янь Цзинь Цю отстранился. Он поправил свою одежду и передал зонтик Му Туну, прежде чем войти в дверь плечом к плечу с Хуа Си Ван, излучая достойную и благородную ауру.

Главный зал, от которого исходил шум, затих, когда вошли муж и жена. После вежливого обмена приветствиями младшие члены семьи Хуа проводили всех в обеденный зал и усадили за стол.

Люди из семьи Хуа неоднократно приглашали Янь Цзинь Цю и Хуа Си Ван сесть впереди. Однако Янь Цзинь Цю каждый раз отказывался. Он поклонился Хуа Хэ Шэну и сказал: «Цзы Лин не должен отказываться от искреннего приглашения тестя. Но в присутствии старших младшие не должны сидеть впереди. Дорогой тесть, пожалуйста, исполните желание Цзы Лина».

Янь Цзинь Цю с особым почтением относился к тестю, и Хуа Хэ Шэн, естественно, чувствовал себя счастливым. Однако он мог действовать только так, как будто был в затруднении, и пригласил старую тайтай сесть во главе стола. Затем он и Лу-ши сели по обе стороны от старой тайтай.

В то время как Янь Цзинь Цю позволил трем старшим членам семьи сесть впереди, другие члены семьи Хуа не осмеливались сесть перед ними. Поэтому Янь Цзинь Цю и Хуа Си Ван сели рядом с Хуа Хэ Шэном. Никто ничего не сказал, хотя мысленно все отметили их достойное поведение.

Старая тайтай была относительно здорова, но всё-таки она была пожилой женщиной. Следовательно, блюда на столе, которые несли с собой пожелания долголетия и всех благ, были в основном легкими, постными или сладкими. После того, как Хуа Си Ван съела несколько кусочков, она почувствовала, что ее рот наполнился сладостью.

Поскольку это был семейный банкет, атмосфера была оживленной, и слуги не прислуживали своим хозяевам. Некоторые блюда, которые были по вкусу Хуа Си Ван, стояли далеко от нее. К счастью, у Янь Цзинь Цю были длинные руки, так что ей не грозила опасность умереть с голоду или повести себя грубо.

- Сестра, почему ты не ешь – у тебя нет аппетита? – из-за случившегося с сестрой Хуа Цин Мао чувствовал себя так, словно подвел Хуа И Лю. Поэтому после того, как Хуа И Лю вернулась в поместье, он часто обращал на нее внимание и проявлял беспокойство. Увидев, что она вдруг перестала шевелить палочками, он тихо спросил: - Может, ты плохо себя чувствуешь?

- Ничего особенного. - Лицо Хуа И Лю все еще было болезненно бледным, когда она улыбнулась Хуа Цин Мао. Она наклонила голову и продолжала есть еду, которая совсем не соответствовала ее вкусам. После стольких событий она привыкла к холодному обращению с другими людьми. И не важно, что еда не вызывала у нее аппетита.

После развода она стала жить в доме помощника министра. Из-за того, что ее мать была холодна к ней, даже слуги стали обделять ее вниманием. Если бы не постоянная забота Хуа Цин Мао, ее младшего брата, она, законная дочь этого дома, вероятно, была бы обижена даже прислугой.

Думая о возмущенном лице своей матери и ее обидных словах о том, как сильно она, мать, чувствовала себя смущенной и оскорбленной, потому что ее первый ребенок был дочерью, Хуа И Лю казалось, что положение их обеих было одновременно трагичным и смешным. Ненависть внутри нее нарастала. Если мать действительно презирала ее за то, что она родилась девочкой, за то, что потеряла лицо, за то, что люди смеялись над ней, то почему она не задушила ее до смерти, когда она еще ничего не понимала?

Тогда ей не пришлось бы так страдать, и о ее матери не говорили, что ее первенцем оказалась девочка. Разве тогда все не были бы счастливы?

- Сянь Ванфэй и Сянь Ван действительно очень любят друг друга. - Ло тайтай, сидевшая за тем же столом, говорила тихим голосом, но ее тембра было достаточно, чтобы гарантировать, что те, кто сидел за соседними столами, могут ее услышать. - Позвольте мне сказать нечто такое, что выходит за рамки дозволенного. Сейчас, когда я увидела, как зашли Ван Е и ванфэй, если бы я не знала ванфэй в прошлом, я бы подумала, что эти двое пара бессмертных.

Хуа И Лю холодно улыбнулась. Эта госпожа Ло однажды сказала за спиной Хуа Си Ван, что ее красота, будь она известна миру, навлекла бы беду. Она также сказала, что Хуа Си Ван была ленивым человеком и не подходила на роль добродетельной жены. Теперь она полностью поменяла свое мнение. Хуа И Лю действительно восхищалась тем, насколько гибкой была эта

женщина.

Когда банкет закончился, люди заняли свои места у устроенной сцены, приготовившись насладиться выступлениями. Первой ролью Хуа Си Ван в ее прошлой жизни была роль молодой женщины в опере. Она была сильно накрашена, но не прошло и двух минут после того, как она вышла на сцену, как ее убил охранник главного героя, когда она попыталась убить его.

Чтобы сыграть эту второстепенную роль со всего одной минутой экранного времени, она нашла друга, который учил ее петь и двигаться. Когда она вспоминала свою предыдущую жизнь, ей казалось, что в забвении канул действительно целый мир.

- Бам! - У нее за спиной раздался звук разбившейся чайной чашки. Хуа Си Ван обернулась и увидела госпожу Чжан, неуклюже сидевшую на стуле. Перед ней стояла разбитая чайная чашка, чай, разбрызганный по земле, все еще испускал пар.

- Димэй, что такое - чай слишком горячий? - Чжан-ши слегка вздернула подбородок и сказала с легким высокомерием: - Давайте поменяем чай для госпожи Чжан.

Хуа Си Ван увидела, как Чжан-ши издевается над женой своего приемного брата, и нахмурилась. Однако, как посторонний человек, ей не следовало вмешиваться.

- Ты ошпарилась? - Чжан Шао подошел и осторожно поднял руку жены. Увидев пятно красного цвета на тыльной стороне ее ладони, он мягко сказал: - Как получилось, что ты так сильно обожглась?

- Братец, почему ты так эмоционально себя ведешь? Кажется, нужно отправить кого-нибудь за лекарем для госпожи Чжан. - Чжан-ши неискренне улыбнулась своим приемным брату и невестке, которые вели себя так сердечно. Выражение ее лица было не очень добрым. - Похоже, мы пренебрегли благородным гостем.

Может быть, разум Чжан-ши ее подводит? Даже если она действительно не заботилась о Чжан Шао и его жене, чтобы сохранить репутацию родителей, она должна была, по крайней мере, вести себя вежливо. Пожилым паре Чжан понадобятся люди, чтобы заботиться о них в старости. Если она сильно обидит Чжан Шао, то какая ей от этого польза?

Или, может быть, она думала, что Чжан Шао получил много собственности и титул, когда его усыновили ее родители? Она не могла этого вынести и не одобряла эту чету Чжан?

Чего Хуа Си Ван не знала, так это того, что отношения Чжан-ши с ее мужем и детьми были чрезвычайно напряженными из-за случая с Хуа И Лю. После этого Хуа Чжи Мин больше не спал с ней. В их семье трое самых важных людей относились к ней так, словно она была невидимкой.

Несчастливая, она не находила себе места, желая выплеснуть наружу свой гнев. Когда пара Чжан Шао пришла сегодня, она не могла не быть жестокой и резкой в своих словах. Именно это странное чувство превосходства и поддерживало ее в подобном поведении.

- Старшая сестра слишком много думает. Мы оба привыкли жить спокойной жизнью, и это благословение с небес, что мы двое можем служить нашим родителям. Мы преисполнены благодарности. Хоу и госпожа - благородные и честные люди, они не станут пренебрегать нами. - Чжан Шао с холодным выражением лица поклонился Чжан-ши. - Моя жена плохо себя чувствует. Пожалуйста, старшая сестра, прости нас за недостаток вежливости.

Закончив, он повернулся и попрощался со старой тайтай и Хуа Хэ Шэном. Он уже собирался уходить.

У Хуа Хэ Шэна сложилось хорошее впечатление о Чжан Шао, поэтому он не стал усложнять ситуацию. Он послал кого-то пригласить лекаря, чтобы тот дожидался их в поместье Чжан. Лу-ши также попросила слугу принести жженую пасту для госпожи Чжан, чтобы она нанесла ее, дабы облегчить боль.

С точки зрения Лу-ши, госпожа Чжан не обладала необходимой аурой и внешним видом, но эти условия сложно было выполнить, не подпитывая их золотом и серебром. Чжан-ши была высокого мнения о себе и смотрела на других свысока. А всё потому, что в детстве она жила лучше и питалась лучше, чем большинство людей. Если посмотреть на ситуацию со стороны - то, что сделала Чжан-ши, не было тем, что сделали бы женщины из престижных семей.

Хуа Си Ван увидела, что пара подошла к ней, чтобы попрощаться, и поспешно протянула руку, чтобы помочь госпоже Чжан, которая кланялась ей. «Госпожа, - мягко сказала она, - в ближайшие дни не ешьте сильно ароматизированную пищу. Не будет ничего хорошего, если останется шрам».

- Большое спасибо за заботу, ванфэй. Я запомню ваш добрый совет.

Чжан-ши холодно смотрела, как семья Хуа вежливо провожает их обоих. Внутри она чувствовала себя еще более неуютно. Она казалась чужой среди семьи Хуа и была изолирована всеми остальными.

Старая тайтай не очень обрадовалась тому, что Чжан-ши испортила ей праздник. Однако здесь были и другие люди, и было бы нехорошо, если бы она выразила свой гнев. Поэтому она притворилась, что ничего не заметила, и сосредоточилась на выступлении, разыгрывавшемся на сцене.

Хуа Си Ван и Янь Цзинь Цю не задержались надолго. Через некоторое время они встали и попрощались. Когда Хуа Си Ван ушла, в ее руке был сверток, в котором лежала красивая накидка из лисьего меха.

Поглаживая мягкий и гладкий лисий мех на накидке, Хуа Си Ван сказала Янь Цзинь Цю, который сидел рядом с ней: «Два года назад я однажды попросила матушку сделать мне накидку из лисьего меха. Мама согласилась. Однако из-за брачного указа императора она была занята приготовлением моего приданого... Поэтому я получила ее только сейчас».

- Прошло уже два года, а мама все еще помнит, что она обещала... - Хуа Си Ван улыбнулась. Она обняла лисью накидку и сказала: - Мои родители воспитывали меня больше десяти лет. Вряд ли я смогу отплатить в этой жизни за все, что они для меня сделали.

- Они хорошо к тебе относятся, потому что любят тебя, а не потому, что рассчитывают на вознаграждение. Истинные чувства - это не то, что можно измерить.

Янь Цзинь Цю посмотрел на накидку в руке Хуа Си Ван. Цвет меха был очень чистый, и он не мог найти ни одной пряди, которая была бы другого цвета. Шитье тоже было выполнено искусно, и там, где мех был сшит вместе, не было видно никаких следов. Было заметно, что человек, который шил этот плащ, был очень осторожен.

- Ты совершенно прав. - Губы Хуа Си Ван изогнулись в легкой улыбке. - Я неверно выразилась.

Протянув руку, чтобы коснуться ее волос, Янь Цзинь Цю беззвучно рассмеялся.

Когда Чжан-ши вернулась в поместье, она разбила чайный сервиз. Глядя на пустую комнату и дрожащих слуг за дверью, она потрясенно села на кровать.

Спустя какое-то время она услышала звук, отмечающий течение времени. В комнате уже стемнело, и фонари, висевшие в коридорах, были зажжены.

- Зайдите, зажгите лампу.

Она встала и дотронулась до своего слегка охрипшего горла. Она вдруг поняла, что из-за того, что она так долго сидела и не позвала слугу, в комнате не разожгли огонь, а ее конечности так онемели, что она их почти не чувствовала.

Когда вошла служанка с лампой, она не удержалась и спросила: «Где Лаое?»

- Лаое отдыхает в кабинете.

- А молодой господин?

- Молодой господин учится. Он сказал, что готовится к весеннему экзамену, поэтому ему нужно сосредоточиться.

Чжан-ши немного успокоилась и затем спросила: «Находит ли он суп, который я каждый день готовлю на кухне, подходящим на его вкус?»

Служанка замерла на мгновение, когда подошла, чтобы отрезать фитиль лампы.

- Слуга не ведает.

На самом деле молодой хозяин велел слугам унести суп, который приготовила госпожа.

Но она не могла этого сказать, да и хозяйка не захотела бы это слышать.

Выражение лица Чжан-ши слегка изменилось, и она вздохнула.

- Понятно, ты можешь идти.

<http://tl.rulate.ru/book/5480/901414>